

E. V. Семенко

**РЕШЕНИЕ АГРАРНОГО ВОПРОСА КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**

*Работа представлена кафедрой отечественной истории
Воронежского государственного педагогического университета.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор П. В. Загоровский*

В статье представлен анализ аграрной политики большевиков в годы становления советской власти. На основе изучения архивных материалов, законодательных актов и литературы

были выявлены глубинные основы аграрного курса РСДРП(б), декларативная часть которого первоначально полностью отвечала интересам крестьян. Показано, что его реальное воплощение вылилось в ограничение развития, а затем и постепенное разрушение единоличных хозяйств.

The article is devoted to the analysis of agricultural policy of the Bolshevik Party during the years of the Soviet power establishment. According to the archive material, legislative acts and historic books, the declaratory part of agrarian course of the Russian Social Democratic Working Party (Bolshevik) at first responded to all interests of the peasantry. But in fact the policy gradually led to the destruction of individual farms.

Умеренно-континентальный климат, плодородие почв и обширные территории изначально определили аграрный характер Российского государства. В его истории сельское хозяйство и прежде всего земельные отношения всегда играли важную роль. Они непосредственно влияли на господство того или иного общественно-политического строя, от них в значительной степени зависел уровень экономического развития страны и жизни населения.

Революционный 1917 год в очередной раз выдвинул аграрный вопрос на политическую авансцену, сделав его решение одним из важнейших факторов исхода борьбы за власть.

Принятый большевиками 8 ноября Декрет о земле провозглашал отмену помещичьей собственности на землю; переход помещичьих имений, удельных, церковных, монастырских земель со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов. Земельные участки с высококультурными хозяйствами: сады, плантации, питомники и пр. – не подлежали разделу, а превращались в показательные хозяйства и передавались в исключительное пользование государства или общин в зависимости от их размера и значения. Всенародным достоянием объявлялись конезаводы, племенные скотоводства, птицеводства, хозяйственный инвентарь конфискованных земель, также переходившие в пользование государства или общины. Право пользования

землей получали граждане, желавшие обрабатывать ее своим трудом. Наемный труд не допускался. Землепользование должно было стать уравнительным. Осуществление распределения земли предполагалось по трудовой или потребительской норме с периодическими переделами. Формы пользования землей провозглашались свободные: подворная, хуторская и общинная¹.

В таком ключе аграрная политика большевиков отвечала интересам основной массы крестьян, выступавших за уравнительное землеустройство. Этот вид земельных отношений воплощал их давние мечты о «справедливом переделе божьей земли, незаконно захваченной помещиками»². Стремление к справедливости, бесспорно, не может вызывать осуждения. Однако впадение в крайности и при благих желаниях приводит к пагубным результатам. В царской России крестьянская «справедливость» обернулась бесконечными переделами общинной земли, чересполосицей, дальнобойным землемерием, значительно затруднявшим ведение хозяйства. Жалобы на несправедливый миропорядок позволяли крестьянам снять с себя долю личной хозяйственной ответственности за свое благополучие³. Все это способствовало закреплению экстенсивного пути развития сельского хозяйства с обострением проблемы земельного голода и меж сословных противоречий.

В силу указанных причин Декрет о земле стал той самой «декларацией справедливости», провозглашение которой в 1917 г. обеспечило РСДРП(б) поддержку подавляющей части населения страны. Однако в

дальнейшем в аграрной политике большевиков все заметнее начали проявляться их реальные цели. Так, уже 19 февраля 1918 г. ВЦИК принял Закон о социализации земли, согласно которому всякая собственность на землю отменялась навсегда, а одной из первоочередных задач ставилось «развитие колlettивного хозяйства в земледелии за счет хозяйств единоличных»⁴.

Крестьяне по традиции выступали за уравнительное землеустройство, но отнюдь не за обобществление земли. Большевик В. В. Воровский в преддверии Октябрьской революции 1917 г. справедливо отмечал, что «крестьянская мысль вовсе не работает в направлении национализации, напротив, она все время вертится около идеи частной собственности. Эти собственнические инстинкты вполне уживаются с отрицанием права собственности за крупным землевладением. Землю крестьянин считает божьей, но подразумевает под этим помещичью землю. Расчеты на националистические чувства крестьянина более чем безосновательны». О том же в то время писал И. В. Сталин: «Сами крестьяне будут против национализации земли и не удовлетворятся ролью только арендаторов... Земли, отобранные крестьянами, должны быть переданы самим крестьянам, для того, чтобы дать им возможность разделить эти земли между собой»⁵.

Настроения крестьянства не укладывались в рамки программных установок РСДРП(б). Разработанные главным образом В. И. Лениным на основе марксизма, они предполагали поэтапный переход к социализму. В сельском хозяйстве наибольшую возможность для этого, по мнению Ленина, давала национализация земли и развитие колlettивного хозяйства⁶. Прямая реализация такой программы сразу после октябрьских событий грозила большевикам столкновением с крестьянами. Но по мере укрепления советской власти проведение в жизнь марксистско-ленинской теории в общегосударственном

масштабе началось с целенаправленного раскола деревни.

Закон о социализации земли, в отличие от декрета, отменял всякую земельную собственность. Распределение земли между трудящимися производилось на уравнительных началах согласно потребительско-трудовой норме (ст. 12). Ее превышение не позволялось (ст. 25). Нормы для каждого пояса устанавливались следующим образом: выделялось среднее по размерам хозяйство одного из уездов с таким соотношением разных земельных угодий, которое будет признано наиболее благоприятным⁷. Отдельным параграфом закона отмечалось, что при определении среднего крестьянского землевладения необходимо принимать во внимание лишь те земли, которые находились в пользовании у крестьян до 1917 г., т. е. купленные крестьянскими обществами, товариществами, отдельными лицами, надельные и арендуемые⁸. Конфискованные помещичьи, государственные, монастырские и прочие хозяйства на земле со всеми постройками, инвентарем, скотом подлежали точной описи и строжайшей революционной охране. Они составили так называемый запасной земельный фонд для наделения малоземельных крестьян, чьи наделы были ниже нормы или если нормы было недостаточно для «безбедного проживания»⁹. Тем самым большевики сумели, узаконив наследий передел собственности на селе, ограничить его главным образом крестьянским хозяйством.

В Воронежской губернии Совещание по делам землеустройства на основе данных переписи 1917 г. установило потребительско-трудовые нормы отвода земли населению. Сделано это было, как и следовало по закону, путем вычисления среднего душевого надела в каждой волости и отбора типичных хозяйств, в которых не было отходников и не применялся труд наемных рабочих. Полученный среднедушевой надел – 0,9–1,3 десятины – становился основ-

вой и для отвода земли сельскохозяйственным коллективам¹⁰.

Состав крестьянской семьи неуклонно сокращался. Эту тенденцию еще в конце XIX в. отмечал И. А. Гурвич. Приводя сведения по некоторым уездам Воронежской губернии, он указывал на то, что в 1858 г. среднестатистическая семья состояла из 10–11 человек. В 1882 г. эти показатели сократились до 7–8 человек¹¹. По нашим расчетам, в 1920 г. средняя крестьянская семья состояла уже из 6 членов¹². Согласно этим данным, можно вычислить величину среднего земельного надела по установленной в губернии норме – это 6,6 десятины на один двор.

В 1905 г. около 1/3 (36,1%) крестьянских дворов Воронежской губернии имели в среднем по 5,1 десятины надельной земли, без учета арендуемых и частновладельческих земель. Значительную группу (52,3%), представляли крестьяне, чей надел составлял в среднем 10,8 десятины. Богатые землей крестьянские хозяйства – их было около 11% – имели в среднем 18,7 десятины на двор¹³. Так, на конкретном примере Воронежской губернии уравнительное землеустройство большевиков принесло реальную выгоду в виде приращения земельного надела одной трети крестьян. Остальным грозила конфискация участка, превышавшего установленную норму.

Право получения земли в пользование по Закону о социализации земли в первую очередь имели безземельные, малоземельные крестьяне и батраки¹⁴. Представители этих категорий сельского населения не были заинтересованы в качестве земледельческих работ, что являлось причиной или следствием их разорения и превращения в поденщиков. У таких людей «культура земельной собственности», умение вести личное хозяйство постепенно сводились на нет. Их связь с землей была непрочной, а ее наличие уже не рассматривалось как естественный, основной и наиболее надежный источник дохода.

Предоставление земли в пользование крестьянам и батракам с низкой агрокультурой давало советской власти гораздо большие выгоды, нежели высокие урожаи и интенсификация сельскохозяйственного производства.

Согласно Закону о социализации земли, первоочередной задачей являлось развитие коллективных хозяйств за счет хозяйств единоличных (заметим – крестьянских, не бывших помещичьих)¹⁵. Наилучшей социальной опорой этого процесса были малообеспеченные крестьяне и батраки с нестабильным доходом. При вступлении в коллектив их не пугала возможность утраты своего имущества. Напротив, под воздействием большевистской агитации они надеялись на помощь со стороны государства в виде выдачи ссуд, наделения землей, раздачи экспроприированного скота, инвентаря, семенного материала и т. п. Приобретение такой базы для ведения хозяйства накладывало на членов коллектива определенные обязательства перед советской властью. В годы гражданской войны это была прежде всего поддержка большевиков. Как известно, в условиях острой продовольственной проблемы огромную роль играло снабжение городов и Красной армии продуктами. Члены коллективных хозяйств, не прилагавшие особых усилий для их создания и ведения земледельческих работ, куда более легко расставались с произведенным продовольствием при заготовках и реквизициях.

Закон о социализации земли не предусматривал конкретных мер по ликвидации единоличных хозяйств. Причиной тому послужила экономическая целесообразность, отход от которой в пользу марксистско-ленинских постулатов в 1918 г. был чреват для большевиков продовольственными трудностями и тотальным противостоянием крестьянства.

Единоличные хозяйства также получали право пользования землей в соответствии с установленными нормами. В Воро-

нежской губернии норма составляла в среднем 6,6 десятины на семью. Коллективные хозяйства за счет объединения получали достаточные участки для рентабельных земледельческих работ. Но для содержания семьи, по дореволюционному мнению Ленина, надел менее 8 десятин на двор – «количество, безусловно, недостаточное»¹⁶.

Для ведения даже небольшого хозяйства необходимы как минимум три работника. Постепенное разложение патриархальной семьи, сокращение ее состава привело к тому, что уже в 1882 г. на один крестьянский двор приходилось в среднем 1,7–1,8 работника¹⁷. Наемный труд стал неотъемлемой частью крестьянской жизни. Его запрет Декретом о земле нанес сильный удар по единоличникам. Это был еще один «козырь» для развития колlettивного хозяйства, попутно удовлетворивший мечты малоземельных и батраков о справедливости.

Но для полного ее торжества последним не хватало живого и мертвого инвентаря. Согласно Декрету о земле и последующим инструкциям СНК, весь хозяйственный инвентарь конфискованных земель, в том числе крестьянских, превышавших норму, подлежал изъятию без выкупа и переходил в пользование государства или общины¹⁸. На практике это происходило несколько иначе. К примеру, бывший помещичий скот обменивался на худший крестьянский, причем от доплаты разницы в цене освобождались лишь беднейшие крестьяне¹⁹, наличие скота у которых вызывает сомнение. Стоимость помещичьего скота значительно превышала цену крестьянского: так, в 1913 г. крестьянская лошадь стоила 92 руб., а владельческая – 127 руб.²⁰ То есть крестьяне могли получить реквизированный скот, как и прежде, только по его рыночной стоимости. Не реализованные таким образом животные находились в ведении местных органов власти для последующей передачи в совхозы или закупались продовольственными органами.

Недостаток посевных площадей, рабочей силы и инвентаря обрекал единоличные хозяйства на ограничение развития, натурализацию, а возможно, и полное разорение. В случае наихудшего варианта крестьянину оставалось либо уйти в город, либо вступить в коллектив.

В ходе гражданской войны голод стал суворой реальностью, особенно в столицах и крупных промышленных центрах. После того как Восточный фронт летом 1918 г. отрезал Советскую Россию от хлебных районов Сибири, Приуралья и части Поволжья, а наступление белоказаков и деникинской армии не позволяло организовать подвоз северокавказского хлеба железнодорожным путем, продовольственное положение Советского государства стало критическим. Ситуация усугублялась нежеланием крестьянского населения при галопирующей инфляции поставлять хлеб в города за обесценивающиеся деньги. В этих условиях большевики пошли на прямое ужесточение политики по отношению к деревне.

9 мая 1918 г. ВЦИК принял декрет «О предоставлении Народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими». Этим документом, а также декретом ВЦИК от 27 мая 1918 г. «О реорганизации Народного комиссариата продовольствия и местных продовольственных органов» в стране была установлена продовольственная диктатура. Всем владельцам хлебных запасов предписывалось избыток зерна, сверх необходимого для засева полей и личного пользования, сдать в короткий срок. Укрыватели излишков хлеба объявлялись врагами народа и преддавались суду. Все руководство продовольственным делом переходило к Наркомпроду, которому предоставлялись чрезвычайные полномочия вплоть до применения вооруженной силы в случае оказания сопротивления²¹.

Это были первые меры внеэкономического и отчасти военного порядка, проведение которых явилось начальным этапом «военного коммунизма».

Изданный 11 июня 1918 г. декрет «Об организации деревенской бедноты и снабжении ее хлебом, предметами первой необходимости и сельскохозяйственными орудиями» и декрет от 3 августа того же года «О привлечении к заготовке хлеба рабочих организаций» привлекали к экспроприации хлеба у зажиточных крестьян рабочие продотряды и комитеты деревенской бедноты. Они же принуждали к сдаче хлеба государству по твердым ценам, т. е. фактически бесплатно, и середняков²².

С расширением интервенции и гражданской войны голод усиливался. Продовольственных декретов 1918 г. было уже недостаточно для получения крестьянского хлеба. Большевики начали поиски новых способов изъятия продовольствия, в результате которых декретом от 11 января 1919 г. была введена продразверстка на хлеб и фураж, на остальные продукты она распространялась в течение 1919–1920 гг.

При определении размера разверстки государство исходило не из фактического наличия излишков у крестьян, а из потребности обеспечения хлебом растущей Красной армии и городского населения. Изменился и сам принцип определения «излишков». Теперь таковым считалось то количество продуктов, которое было необходимо государству, что создавало законное основание для изъятия не только действительных излишков, но и необходимого для крестьян продовольствия, как нередко и происходило²³.

Декрет от 11 января 1919 г. уже не предусматривал компенсации промышленными товарами за сданные крестьянами «излишки» хлеба. Однако это было скорее не нововведением, а законодательным закреплением существовавшего положения дел. Впрочем, и сама продразверстка, и механизм ее проведения были уже знакомы сель-

ским жителям. С декабря 1916 г. для урегулирования продовольственного вопроса в условиях Первой мировой войны правительство Российской империи ввело принудительную хлебную разверстку. Используя этот опыт, продовольственные органы и Советы по своей инициативе задолго до принятия декрета применяли принцип продразверстки²⁴. Декрет возводил выработанные на местах способы выколачивания крестьянского хлеба на уровень государственной политики.

Продразверстка почти полностью разрушила обычные экономические связи между городом и деревней, стимулировав при этом обесценивание денег, свертывание торговли, натурализацию крестьянского хозяйства. Руководство РКП(б) не расценивало такое положение как кризис, а, напротив, видело в нем одну из форм продуктообмена, ставящую преграды частнособственническим устремлениям крестьянства и ускоряющую переход к социализму. Этой же цели служило постановление ВЦИК «О социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию», провозгласившее курс на форсированное создание совхозов и колхозов.

Как следствие, оппозиция деревни большевикам усилилась. В крестьянской среде набирал популярность лозунг «За Советскую власть, но долой коммунцию!»²⁵.

Стало очевидным, что социалистические эксперименты в сельском хозяйстве могут предопределить исход гражданской войны не в пользу большевиков.

В марте 1919 г. аграрный курс РКП(б) был резко изменен в сторону сотрудничества с единоличниками. Однако заданный ранее вектор сельскохозяйственной политики большевиков сохранился. Различные способы прямых и косвенных реквизиций продолжили дело превращения крестьянина в сельскохозяйственного рабочего, ничем не владевшего и всецело зависевшего от своего работодателя – государства.

Таковым со временем стало реальное воплощение большевиками крестьянской мечты об уравнительной справедливости, провозглашенной Декретом о земле и Законом о ее социализации. Но в 1917 г. именно эта аграрная политика привлекла на сторону большевиков значительную часть населения страны. Приход к власти еще не означал полной победы. В отличие от своих противников РСДРП(б) не просто сумела взять под свой контроль передел собственности на селе, но и под благовидными предлогами ограничила его главным образом крестьянской землей. За счет прочих конфискованных владений и их имущества большевики мате-

риально обеспечили местные органы власти, коллективное и государственное сельхозпроизводство. Создание условий, в которых могли развиваться только коллективные хозяйства, и реквизиции периода «военного коммунизма» были лучшими средствами разрушения собственнических настроений крестьян, введение государственной монополии на хлебную торговлю и обеспечения стабильной продовольственной ситуации в городах. Тем самым большевики, формально выполняя наказы крестьян об уравнительном землеустройстве, на практике заложили прочную основу будущего раскрепощения российского села.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 17.
- ² ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 254. Л. 12–13.
- ³ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 254. Л. 14.
- ⁴ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 407.
- ⁵ Теляк Л. В. Столыпинская аграрная реформа: Историография (1906–1917). Самара, 1995. С. 34.
- ⁶ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1958. Т. 37. С. 326.
- ⁷ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 411.
- ⁸ Там же. С. 412.
- ⁹ Там же. С. 413.
- ¹⁰ Материалы Губернского совещания по делам землеустройства (6 и 7 октября 1918 г.). Б.г. С. 37–38.
- ¹¹ Гурвич И. А. Экономическое положение русской деревни. М., 1941. С. 61.
- ¹² Данные выведены на основе сведений сб. Крестьянское хозяйство в 1920–1922 гг. 1923. С. 96; а также сб. Население и хозяйство Воронежской губернии. 1925. С. 73.
- ¹³ Статистика землевладения 1905 г. Воронежская губерния. Вып. 5. СПб., 1906. С. 36.
- ¹⁴ Декреты Советской власти. Т. 1. С. 410.
- ¹⁵ Там же. С. 408.
- ¹⁶ Ленин В. И. Указ. соч. Т. 15. С. 59.
- ¹⁷ Гурвич И. А. Экономическое положение русской деревни. М., 1941. С. 61.
- ¹⁸ ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 286. Л. 17.
- ¹⁹ ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 58. Л. 90.
- ²⁰ Обзор Воронежской губернии за 1913 г. Воронеж, 1914. С. 21.
- ²¹ Берхин И. Б. Экономическая политика Советского государства в первые годы Советской власти. М., 1970. С. 113.
- ²² Собрание узаконений. № 35. М., 1918. С. 468.
- ²³ Гимпельсон Е. Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М., 1973. С. 60.
- ²⁴ Черненский Е. Д. История СССР. Период империализма. М., 1965. С. 518.
- ²⁵ Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988. С. 29.